

Бегун / Runner (рассказ)

Бегун / Runner (рассказ)

Автор	Алан Бао / Alan Bao
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Серия книг	Warhammer Horror
Входит в сборник	Анафемы / Anathemas
Год издания	2019
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI

Бегун со всех ног несся по тундре под потрясающе величественным океаном звезд. Он судорожно дышал, зажатое в зубах фильтрующее устройство врезалось в десны. Это был артефакт, взятый из дома уже так давно. Старый сувенир, из которого он успел физически вырасти и хранил из сентиментальных побуждений, не для полевого использования.

Не сбавляя хода, бегун утер с подбородка соль и слюну, ощущая привкус бронзы старинного дыхательного приспособления. Противогаз полкового стандарта был уничтожен при бегстве из боя, когда их накрыл смерть-туман. Всякий раз, напрягая или кривя лицо, бегун чувствовал, где материал вплавился в щеки, превратив плоть в лишенную чувствительности мертвую кожу – химические огрубления, полосами тянувшиеся с боков челюсти на подбородок и шею. Оставшийся позади улей почти наверняка погиб, равно как и остатки его полка. Он ломал голову, кого же объявят виновным,

когда узнают новости, если вообще останется кого винить.

Когда первыми отключились коммуникаторы дальнего радиуса, никто не придавал этому особого значения - что взять с полкового оборудования. Даже во вторую ночь, когда неоднократные запросы командованию так и остались без ответа и поползли слухи о булькающем нечеловеческом бормотании на канале вокса, большинство списывало это на страшилки, состряпанные скучающими срочниками. Согласно уставу, выкопали траншеи. Для проформы удвоили ночной караул. Люди коротали время, играя в карты и перекидываясь сальными байками, а город по большей части оставался безмолвным.

Но затем ожили мертвецы.

Бегуну никогда не доводилось видеть ничего подобного. Все началось с желобов для сброса отходов. Сваленные туда тела, вдруг обретя волю к действию, забили собой систему. Мертвые жители улья, переваливаясь и подергиваясь, выползали из ям с трупами и захлестывали обособленные позиции, пополняя схваченными несчастными содрогающуюся шаркающую толпу.

В первый день боев бегун находился в арьергарде и пробивался к колодцу для отходов. Он успел воочию увидеть баки с мусором и неожиданно пришедшие в движение тела, а затем те задели выключатель агрегатов сжигания. Это послужило и во благо, и во зло, поскольку те живые мертвецы, что не сгорели на месте, нетвердым шагом выходили из пламени, не обращая внимания на огонь и распространявшееся вокруг них разложение.

А потом появился туман и *другие твари*.

За проведенные на службе годы бегун сражался с людьми всех мастей и убивал их на десятках различных планет. Но эти *другие твари* - это было нечто иное. Возможно, они и были человекоподобными, но не людьми. Его потряс исходивший от них смрад. Они напоминали какое-то воплотившееся жуткое воспоминание: смутно различимые в зеленом тумане фигуры, ковыляющие наполовину наяву, наполовину бессознательно, и поглощающие заряды лазеров своей бесчувственной мякотью, которая не вполне являлась плотью. Они появлялись и двигались в необъяснимых блуждающих пятнах тумана, одно из которых настигло подразделение бегуна на третий день, когда он заступал на вахту в одну из групп с тяжелыми болтерами. Здоровяк и Жестянщик таскали оборудование, Бычара прикрывал им спину. Когда на них накатила стена тумана, бегун едва не ослеп от зловония. Он ничего не видел из-за слез и густой зелени в воздухе, но запомнил звук выстрелов и крик Бычары.

А затем вонь пропала так же быстро, как и появилась, а вместе с ней пропали туман, тени и верхняя половина тела Бычары.

В последний день в крепости бегуну выдали фляжку с водой и карту с указанием ближайшего полкового штаба, в двух сотнях миль на юго-восток.

Потом у него забрали лазган.

- Нам нужны боеприпасы, - бросил старый сержант, когда он начал было протестовать. - Это десять фунтов экипировки, которые будут тебя тормозить, а если ты не сможешь двигаться быстрее, чем это, то ты без вариантов покойник. Иди и скажи командованию...

Раздался свист и пальба. Голос запоздало прокричал предупреждение: мертвый житель улья взобрался на бровку импровизированной линии окопов и взорвался под залповым огнем лазеров. Сержант выругался – его забрызгало внутренностями. Он отплевывался и давился ручейками жижи, стекавшими по лицу в рот.

- Агх... Скажи командованию, что мы не продержимся. Скажи им... скажи им, что крепость пала. Скажи, что эти *твари* движутся к ним быстрее, чем...

Очередная вспышка лазера, за которой последовал треск гранат. Бегун и сержант какой-то миг стояли молча, глядя, как к их позиции катится зеленая мгла. В глубине тумана, едва различимые человеческим глазом, возникали все новые и новые тени – едва заметные очертания корчащихся фигур.

Из воксов ближнего радиуса неслась симфония щелчков оружия, молитв и криков. Коммуникаторы дальнего радиуса, как обычно, безмолвствовали.

Мгла надвигалась, и рев тяжелых болтеров и лазганов достиг крещендо. Сквозь вонь и шум пробился крик сержанта, и бегун никогда еще прежде не слышал от седого ветерана такой интонации. Прежде чем мгла сомкнулась и все позеленело, он услышал, как старик визжит надтреснутым от паники голосом и едва не плача:

- Пошел! Пошел! Скажи им!

Спустя примерно день пути от улья равнины начали сглаживаться. Крепость все еще высилась над полями вечной мерзлоты у него за спиной, но издалека она выглядела серой и расплывчатой. Процветающий полу-улей, раскинувшийся в тени под ее защитой, уже давно скрылся из виду.

Разумеется, у улья было название. Название было и у всего мира, равно как и у системы, в которой он находился. Однако, как бегун усвоил за свои боевые дежурства, названия по большей части служили чисто для красоты и всегда были менее важны, чем функции. Для большинства солдат полка это была просто очередная незнакомая им планета, где предстояло вести очередную неблагоприятную войну, которой они не могли дать имени, в защиту (или же против – кто знает?) бесчисленных шеренг местных, одетых в никогда прежде не виданную ими форму и говорящих на непонятных языках.

У бегуна тоже было имя – произвольно выбранные созвучия, когда-то давно обозначавшие какую-то произвольную личность. Он не мог вспомнить, когда в последний раз пользовался им. В настоящее время он имел чин капрала, его задачей был бег, а функция состояла в службе Богу-Императору. За время обучения побои и контроль над разумом вытравили эту функциональную иерархию глубоко у него в сознании, с легкостью вытеснив инфантильный мир имен и отдельных личностей.

Бегун выровнял дыхание. Мимо скачками проносились мерзлые равнины, окутанные туманом и тенью. В размытых от времени воспоминаниях он смутно видел, как бежит босиком по пропеченным солнцем горным тропинкам, перескакивая с одного подъема на другой под детский напев. Он помнил время, когда был просто *вестовым* в своей роте – одним из множества расходных связных в одном из множества расходных взводов – до полкового соревнования, где в дневном забеге заработал свое прозвище, связав имя и функцию воедино в лаконичную кличку.

Тогда, как и сейчас, у него выступал на лбу пот и колело в боку. Но тогда в воздухе звучало гиканье товарищей по отделению и остальных пьяных зрителей. Жестянщик и Машинист тайком притащили из столовой еще амасека и раздавали его Бычаре и прочим парням, вернувшимся на дорожку по

завершению более коротких состязаний. Забег начался на рассвете, а последний из участников сдался и, пошатываясь, ушел с дорожки несколько часов назад. Рядом с бегуном появился взявший спринт Бычара, один глаз которого опух и закрылся после жесткого борцовского поединка накануне, когда он чуть не опрокинул наземь огрина.

- Слышь, малец! Двенадцать часов прошло. Ты *победил*. Какого фрага ты еще бежишь?

И бегун рассмеялся, вспомнив запах горного воздуха и опаленных солнцем пиков. Он смеялся и бежал все дальше и дальше, пока Бычара не выдохся настолько, что уже не мог его уговаривать, и пока пьяные зрители не разошлись по койкам, а звезды заняли свои места в черном небе.

- Я сказал, чего ради ты еще бежишь?

Мир вскрыла прореха экспрессионистской зелени. Бегун поперхнулся. Перед его мысленным взором - он не был уверен, ожившее ли это воспоминание, или же сон - Бычара повернулся. Точнее, повернулась верхняя половина туловища Бычары - та половина, которой не хватало, когда они забрали его тело из клубов тумана. Он крутанулся на рассеченном позвоночнике и вперил в бегуна взгляд сморщенных и посеревших глаз, будто у брошенной гнить рыбы. Кожа на губах зашлепала, и из беззубого рта закапали звуки:

- *Этот забег не выиграть, малец.*

От смрада у бегуна слезились глаза. Он механически твердил благодарственные молитвы. Рот Бычары растянулся в невеселой улыбке, рассекая лицо надвое. Шаркая, он подступил ближе. Торчащие позвонки хрустели и трещали, скребя друг о друга при каждом скорбном шаге. Открыв рот, Бычара гулко расхохотался, и мир исчез в черной беззубой бездне.

Бегун крепко зажмурился. Давясь вонью, он выдавил из груди очередную молитвенную литанию.

На мгновение наступила тишина.

Когда он снова открыл глаза, то стоял на коленях среди засоленной вечной мерзлоты, и его дыхание превращалось в пар на фоне огромной пустоши впереди. Не было ни Бычары, ни смрада, лишь тянулись бесконечные мерзлые равнины, да на горизонте мелькали бледные намеки на зелень. В небе у него над головой разверзлась зияющая пасть мироздания, а перед ним была только тундра, сулившая долгий путь в холодном мраке.

- *Чего ради ты еще бежишь?*

Бегун нетвердо поднялся на ноги и удвоил скорость.

Когда опустился вечер, местность стала более холмистой. Бегун перебирался через ледяные борозды, прижимая руку к месту, где колело в боку. Небо наверху расчерчивали оранжево-красно-фиолетовые полосы. Когда погасли последние из фиолетовых, бегун вяло задумался, как ему не замерзнуть насмерть за предстоящую ночь. Полковые наборы экипировки как правило включали в себя огниво и трут для разведения костра, но во время своего бесславного бегства из крепости он не удосужился захватить ничего из этого.

Бегун оглядывал окружающую обстановку. Вдалеке он временами замечал мелькающее движение, кто-то мчался прочь от шума его шагов. Включив оптику, он увидел блеск глаз млекопитающих, опасно

поглядывавших на него из темноты. Бегун вспомнил полковые инструктажи, которые его заставили высидеть перед высадкой – как и полагается, сухие вокс-записи о номенклатуре и экологии солончаковых равнин и о населяющих их грызунах-падальщиках.

В животе заурчало. Ага, ни трута, ни огнива, но тело посылало биологические приказы, которые он не мог игнорировать. Эх, если бы Старина Серж не забрал лазган...

Он сбавил шаг. Блестящие глаза во мраке придвинулись ближе. Бегун выплюнул свое старинное дыхательное устройство в нагрудный карман и завалился на склон дюны, изображая слабость. Существа неуверенно подбежали к нему, оказавшись почти в пределах досягаемости. Дергающиеся рыльца принюхивались к запаху его пота и усталости.

Бегун прыгнул. Грызуны бросились врассыпную, но недостаточно быстро. Он схватил ближайшее из животных. Хищник и добыча, смерть и обновление, одно подпитывает другое. Бегун вскрикнул – мохнатая тварь извернулась и укусила его за руку своими острыми как бритва резцами. На долю секунды его хватка разжалась, и животное понеслось прочь. Бегун мчался за ним, прижимаясь к земле, перебираясь через камни и кристаллы соли, пока его нога не потеряла опору, и он не растянулся на гребне дюны.

Один бесконечный миг, зависнув на полпути между инерцией и гравитацией, бегун плыл в черном море с крапинками звезд.

- *Какого фрага ты еще бежишь?*

А затем земля рванулась вверх и замолотила его по зубам, по ребрам, по спине. Он скатился с промерзшей дюны и приземлился в навал у ее подножия, судорожно дернувшись, когда лодыжка вывернулась назад под его весом. Тело пронзила боль, и он непроизвольно закричал благодарственную молитву. Возможно, в ней и говорилось: «Император защищает», однако смысл был таким: *«помогите, помогите, мне больно»*.

Звезды продолжали свое бесстрастное бдение, пока бегун дрожал и ругался в тундре внизу. Он кипел от раздражения: он *уже поймал* эту проклятую крысу. Если бы он только сдавил ее и сломал ей хребет, прежде чем она смогла бы его цапнуть...

Он осторожно перенес вес с подвернутой лодыжки. Теперь, отдалившись от возможности насытиться, он продолжал чувствовать голод – а кроме того, еще большую усталость и надлом, чем прежде. В груди бурлило ощущение тщетности всего, переплетавшееся с болью в ноге и злостью от глупости распоряжения Старины Сержа отдать лазган – а также собственной идиотской покорности, с которой он расстался с оружием. На него опустилось нечто серое и абсолютно неодолимое. Раздражение вдруг сменилось изнеможением, и он позволил себе уронить обмякшие кулаки на вечную мерзлоту.

У него в голове засмеялся родительский голос.

Затем внутри него начало расползаться онемение: по рукам и ногам, в груди и в душе. Ему подумалось, как легко было бы просто улечься здесь. Позволить всему вокруг померкнуть, позволить теплу тела вытечь струйками пара, дать мелким созданиям щипать плоть, пока от него не останутся лишь волосы, да выбеленные кости. Ему хотелось лишь безразлично свернуться калачиком и лежать так, пока он не обратится в прах, пока сами грызуны не сгниют и не исчезнут, а вся проклятая звездная система не сгинет в бесконечной энтропийной тьме, не оставив после себя ни шепота, ни надгробной речи.

Бегун закрыл глаза. Имперская выучка требовала от него произносить имя Императора для придания

сил, но из груди вырывались только опустошенные слабые вздохи. Звездный свет заиграл осенней паутиной в слезах у него на глазах, и его вдруг посетило воспоминание: канатные мосты и дорожки, блестящие под темным желтым солнцем, словно далекая паучья сеть между горными пиками. Давным-давно его мать наклонилась и подняла его над безоблачным плато, нараспев повторяя имя, которым он не пользовался с тех пор, как его забрали с планеты.

- Ванлек, - ворковала она на его птичьим наречии. - *Ванлек, ак-чи атва пат мозвил...*

Бегун страдальчески приподнялся, сел сгорбившись и экономно глотнул из фляжки. Он заставил свой разум покинуть теплое, окутанное маревом прошлое. Здесь, в настоящем, он был один, ранен и замерзал, а в поле зрения не было ни пищи, ни убежища. Если сейчас лечь спать, он наверняка замерзнет насмерть.

Боль в лодыжке притихла до тупой пульсации. Бегун заставил себя подняться на ноги и медленно, с трудом захромал через гребень очередной дюны. Над промерзшими солеными равнинами порывами дул шквальный ветер.

Поплотнее кутаясь в куртку, бегун поковылял в глубины непроницаемой ночи.

Над суровым ландшафтом забрезжил рассвет, покрывший соляные поля и хребты зубчатыми тенями. Утренний туман застилал горизонт бело-зелеными полосами, скрывая наполовину бегущего, наполовину ковыляющего человека - единственное видимое живое существо на многие мили вокруг.

Бегун щурился от солнца, окутанного туманом и похожего на красную опухшую рану. Левая лодыжка была перетянута и раздулась внутри солдатского ботинка. Ночью он натер волдыри, которые образовывались, лопались, затем образовывались снова - и теперь каждый шаг сопровождался болью и хлюпаньем.

Солнце яростно светило в глаза.

Когда-то давно мать рассказала ему историю, как солнце занимало свое место в небе - как оно каждую ночь падало в бездну, и его тяжким трудом вытягивали обратно предки, оберегавшие живущих.

Сейчас он не мог вспомнить, чем заканчивалась эта история, хотя мог вспомнить комиссара, который высек его за то, что он рассказывал ее товарищам-рекрутам в первые дни учебной подготовки. В Имперской Вере никогда не было места синкретизму. В конечном итоге он научился распознавать и избегать фанатиков из числа офицеров, которые мнили себя понтификами, в каждой заднице видели Свет Императора, а любые перешептывания об обратном воспринимали как повод для взбучки.

И все же, молитвы являлись полезной рутинной. Они отгоняли изнеможение и отвлекали разум от боли в ногах. Большую часть ночи бегун использовал в качестве мнемонического подспорья «Феде Импералис», синхронизируя каждый слог с собственными шагами.

Император наш, избави нас от мора, обмана, соблазна и войны.

Император наш, избави нас от бедствия Кракена.

Таким образом каждое слово делало его немного ближе к полковому штабу, где ждали тепло, безопасность и заслуженный отдых.

Бегун сбавил темп и поднес к обшарпанным губам свою фляжку, отметив, что в ней уже осталось меньше половины. Его немного занимал вопрос, как скоро вода кончится. Он пытался касаться земли

ногами под другими углами, чтобы стертые до мяса стопы получили передышку от боли, простреливавшей их при каждом шаге.

А когда он переставал абстрагироваться и ментальные барьеры ослабевали, он думал о голосах.

Это началось в какой-то момент ночью. Странная штука. Он готов был поклясться, что слышит шаги в темноте за спиной, как будто армия движется по болоту, с трудом пробираясь вперед и ведя при этом веселые разговоры. Некоторые из голосов он узнавал: Бычара, Старина Серж, Машинист, Жестянщик и хмыри из полковой столовой. Порой они слышались настолько близко, словно обращались практически непосредственно к нему, но всякий раз, когда бегуну случалось оглянуться, там не оказывалось ничего, кроме голой тундры.

Теперь же, когда он продолжал ковылять по своему маршруту, армия за спиной собралась снова. Он слышал бормочущее подобие голоса Бычары. Тот не отставал от бегуна, тяжело топая ногами и скрипя разъединенными позвонками.

- Вот тебе небось морока за мной идти, Бык, - произнес бегун, не обращаясь ни к кому конкретно. - Судя по звукам, спина у тебя болит жутко.

- Не морока. Не болит.

Бегун остановился и начал пристально вглядываться. Голос обескуражил его даже сильнее, чем бессознательные видения первого дня. Их он хотя бы мог списать на травму. Но это - это был *голос Бычары*, близкий и словоохотливый, четко выговаривающий слова и реальный.

На него глядела пустошь тундры. Туман закручивался вокруг ног завитками, похожими на множество нетерпеливых пальцев. Бегун поднес руку ко лбу и ощутил холодный пот. Возможно, легкая лихорадка. Он слабо выругался и снова развернулся в нужном направлении. У него хватало поводов для беспокойства и без вероятности, что он теряет рассудок.

Близко позади загудел доверительный голос Бычары:

- Не психуй, малец. Смерть ужасна только для живых. Когда ты на другой стороне, все выглядит иначе.

- Знаешь, это все инстинкт и нарциссизм.

Бегун отхлебнул воды, расшнуровал ботинки и задохнулся от боли, когда кровь прилила к опухшему месту. Была середина дня, и он больше не мог бежать. Ногти на ногах проткнули носки, растрескались и загнулись назад. Ноготь на мизинце с тошнотворным тянущим ощущением отвалился, накрепко застряв в резине подноски.

- Подумай об этом: зоны прошли до твоего рождения, зоны пройдут после того, как ты обратишься в пыль.

Когда он стягивал ткань со ступней, слез кусок кожи. Жидкость из волдырей застывала в субарктическом воздухе. Поставленные на вечную мерзлоту пятки жгла соль.

- Твое существование - просто случайный всплеск между двумя бесконечными нитями не-жизни.

Бегун безвольно растянулся на соленом ложе. Его мускулы обмякли от изнеможения.

- Да ладно, никто тебя не винит. От того, кто ты есть, никуда не деться, - голос перескакивал от приземленной мудрости Бычары к напыщенному философствованию Машиниста. - Жизнь существует, дабы породить жизнь. Твоя биология так бесповоротно определяет твоё мировоззрение, что ты хулишь совершенно естественное состояние не-жизни и героизируешь собственное суматошное существование, являющееся отклонением.

- Инстинкт, - неодобрительно произнес Жестянщик.

- И нарциссизм, - сказал Старина Серж.

- Заткнитесь, - пробормотал бегун пустой тундре. Он пошевелил пальцами ног, наблюдая, как исходящее от тела тепло закручивается полосками пара и уходит в молочно-белое небо.

- Я и не знал, что ты такой нелюбопытный, малец. Неужто и впрямь так плохо существовать без боли, борьбы или постоянных соревнований «убей ты, или убьют тебя»?

Бегун заткнул уши пальцами, покрытыми коркой соли, но голос проникал в сознание, словно выстрел лазера:

- Это покой. Уверенность. Комфорт.

Порыв ветра подхватил соль с пылью и швырнул обжигающие капли на истерзанные ноги бегуна. В груди у того тревожно застучало - он знал, что не может вот так вот валяться, но измученные мускулы никак не могли повиноваться проходящим по конечностям нервным импульсам.

«Если я это переживу, - подумал бегун, сжимая дыхательное устройство и облизывая треснувшие губы. - Если я доберусь живым...»

В Гвардии не было особого места сожалениям - хотя бы потому, что от тебя зависит не так много вещей, чтобы с чего-то начать. Но он поклялся, что если выживет, то позаботится как минимум о том, чтобы как следует восстановиться и проспаться неделю. А потом... что ж. Скорее всего, он умрет на очередной неблагоприятной войне в очередной заднице. Однако если случится какое-нибудь ниспосланное Императором чудо, и он протянет весь срок службы - если будет возможность вернуться домой...

Бегун стиснул старинное дыхательное устройство в своем кармане. Он вспомнил последний раз, когда смотрел на пики Интинти. Эта мысль застала его врасплох. Он не думал, что еще помнит название родного мира спустя столько лет, однако вот же: ясное безоблачное небо, голуби *актипи* разлетаются над высоким андезитным плато, процессия из пятидесяти здоровых мальчиков-*вамани* мрачно поднимается к небесному храму. Бегун в их числе.

Горн из кости медведя издает три звучных сигнала, дань уважения отдана.

Бегун помнил, как схватился за уши, когда облака рассек ревуший металлический зверь. Предыдущей ночью он предавался ритуальному пиршеству, позволив себе огромное количество кукурузного вина, которое там давали. Жрецы помазали его киноварью, декламируя: «*Ванлек Дир, третий сын третьей жены Дома Дир-эк, чакек-ученик Имперских Гонцов. Ты помазан богами.*»

Он обнял мать и открыто разрыдался, навлекая на себя насмешливые колкости братьев - но даже их насмешки смягчал налет печали. Утром ему предстояло навсегда уйти из *вамани*, небесные боги заберут его в солнечное царство. Утром он уже больше не будет Ванлеком Диром. Так что они плакали,

смеялись, пировали и пили, а жрецы разбрасывали у их ног золотые листья и кукурузу, завершая обряды посвящения дани небесным богам и их летучим металлическим зверям.

«Каким же маленьким тогда был мир», – подумалось бегуну. Он знал так мало – все мудрецы и праведники знали так мало. Закрывая глаза, он до сих пор мог вспомнить, как правящая знать распевала молитвы солнцу на ритмичном высоком тахуанти.

– Улонгу-эк тапа, ик тапа ак кхапак пат двил...

А потом остался только темный трюм космического корабля. Непрерывный визг металла, пот, моча и рвота других мальчишек. Зверь уносил их в небеса, сердца колотились в горле, дух поник от все нараставшего ожидания божественного откровения. Затем финальный рывок при швартовке, вонь и полностью противоположная развязка – бронзовые двери открылись, и за ними оказалось море людей. Обычных потных, зажатых и напуганных людей.

– Я помню тот день, – прогрохотал голос Бычары в холодном настоящем. – Вы выглядели так, будто готовы в обморок упасть, вся ваша жалкая шайка.

Бегун тяжело выдохнул в небо клуб пара. Его земляки с Интинти недолго протянули в Астра Милитарум. К концу обучения большинство из них либо умерло, либо было отправлено чернорабочими в рабский корпус. Ему их не хватало, хотя он и не мог отчетливо вспомнить лиц никого из них. Ему не хватало Бычары – живого Бычары из плоти и крови. Не хватало полузабытых пиков из детства, где солнце было теплым, и он мог бегать босиком по горным тропам без боли, усталости и непрерывного тревожного трепета в груди. Не хватало матери и многочисленных, очень многочисленных братьев.

Если когда-то представится шанс вернуться домой...

– Что ты сделаешь?

Бегун секунду поразмыслил над этим. Сначала он отыщет свою мать, если она еще жива. Возможно, устроит верховному жрецу разнос насчет того, что *на самом деле* находится там, в «царстве солнца». А потом он найдет детские тропинки и будет бежать под теплым желтым солнцем, пока все ужасные воспоминания о произошедшем за пределами планеты не испарятся, будто пот на лбу.

– А дальше?

Бегун молча задумался. Дальше? Состариться, удалиться куда-нибудь в горное имение, воспитывать детей, внуков, а потом, когда наконец придет время...

– Вот ведь штука, а? – понимающе пробубльнул Бычара. – Если дать историям идти достаточно времени, они все кончаются одинаково.

Пальцы бегуна слабо сжали землю. Хороший знак – мышцы хотя бы снова слушались. Он вытащил из поясной сумки комок марли и через боль переставил ноги в положение, при котором мог перебинтовать ступни. Марля крепко приставала к наполовину подсохшим волдырям. Он заметил, что из укуса грызуна начало что-то сочиться, и перевязал его тоже.

«По крайней мере, голодные боли прекратились», – подбодрил он себя. Те утихли где-то днем, и им на смену пришло тянущее напряжение в животе, которое он едва замечал.

Положив забинтованные ноги на землю, он запустил руку в ботинки и выскреб изнутри камешки. Комочки полусохшей жидкости и омертвелой кожи сыпались рядом с его лицом. Он сунул пальцы в

подносик и с нездоровым приливом удовлетворения извлек ноготь, оторвавшийся с мизинца.

Бегун натянул ботинки и встал. Это сопровождалось многообразием боли: острая сухая боль от перевязок и влажная тупая боль там, где незамотанная кожа терлась об мокрые от гноя стельки ботинок. Суставы протестовали против любого движения, а мускулы бедер и спины непрерывно дрожали под его весом.

- Все не обязательно должно быть вот так, - произнес Бычара рокочущим голосом, усиливая его изнеможение. - Не нравится мне смотреть, как ты мучаешься, малец.

Бегун поставил одну ногу перед другой и побежал.

Поверх тумана и теней опускалась ночь. Бегун, спотыкаясь, двигался в холодном мраке, его лихорадочно знобило. В начале вечера подошвы ботинок начали протираться, и теперь при каждом его шаге резина болталась лохмотьями. Чтобы скрепить ботинок, он изготовил импровизированную перевязь, пропустив марлевую ткань под стопой и переплетя ее со шнуровкой, но острые кристаллы соли быстро прорезали ткань, превратив ее в бесполезно трепыхающуюся рванину.

Бегун переставлял ноги в ритме молитвы.

Император наш, избави нас от мора, обмана, соблазна и войны.

Император наш, избави нас от бедствия Кракена.

У него за спиной исчез за горизонтом последний проблеск солнца.

- Я Ванлек Дир, и я был избран богами, - сказал бегун темнеющему небу. Его голос был надтреснутым и иступленным. - Император защищает.

Болтающиеся подошвы зацепились за землю, и он повалился вперед. Полный рот соли и крови.

Перекатившись на спину, Ванлек слабо и гнусаво усмехнулся безразлично мчащимся наверху звездам. Выплюнув соль с камнями, он потянулся за фляжкой и целую минуту держал ее над губами, прежде чем осознал, что она пуста.

- Почитаемый Император Терры, - прохрипел он. - Избави нас от жажды и дерьмовых ботинок...

На краткий миг он задался вопросом, где может находиться Терра и как может выглядеть Император. Призвав на помощь все известные ему молитвы и старые истории, Ванлек мысленно составил образ: большой человек на золотом троне. Обезличенный святой свет. И...

И все.

Больше ничего не пробилось сквозь дымку бездумного поклонения. Несмотря на все побои и обучение, на выученное почтение и натренированное благоговение, он крайне мало знал о Святом Боге-Императоре, который якобы присматривал за всем человечеством.

Ванлек приподнял голову и увидел, что вокруг него собираются светящиеся глаза животных. Он слабо постучал по земле одной рукой, и они снова разбежались в темноту.

Однажды, на родной планете, Ванлеку довелось увидеть императора. Щуплый старик в головном уборе

из золотых перьев. Император совершал государственный визит, так что не было никакого золотого трона, только расписной паланкин, украшенный пиритом и изумрудами. Крошечный, хрупкий старик – но ничем не хуже Бога-Императора, если судить по тому, что они оба для него сделали. В конце концов, где они были, когда пала крепость? Где был Император, когда пропала половина Бычары? Где был Император, когда Старина Серж кричал, а туман смыкался вокруг него?

«Да здравствует Его святое ничтожество, дохляк Бог-Император Терры!» – подумал Ванлек, ощущая бредовое веселье от того, как непочтительно все это было. Услышь его сейчас кто-то из комиссаров, точно бы расстреляли.

Ванлек перевернулся на живот и подтянул к себе колени. Карта утверждала, что между ним и ставкой полка еще восемьдесят миль. Он стянул болтающиеся бесполезные ботинки и конвульсивно дернулся, когда ноги коснулись острого соляного покрова тундры. Только спекшаяся и пересохшая глотка не дала ему вскрикнуть от боли.

- Почему бы просто не отдохнуть немного?

Ванлек отключился от булькающих голосов мертвых товарищей по отделению. Мелкие грызуны выскакивали из теней и скрывались обратно, следя за ним своими горящими глазками.

«Они знают, что я умираю», – подумал Ванлек. Он сделал еще один мучительный шаг. Он не мог вспомнить, чтобы когда-либо еще за всю свою жизнь испытывал такую боль или усталость. Подстроив магнокюляры, он отчаянно осматривал местность в поисках признаков воды – может быть, волнистое русло реки или отблеск звездного света на снегу или льду.

В ответ на него глядела бескрайняя пустошь. До самого горизонта тянулась мрачная тундра, не имеющая пределов и возраста. Вихрящийся туман тянул свои жадные отростки. Ванлек Дир вглядывался в темноту и дрожал, пока его мышцы надрывались, а кожа сочилась влагой.

И все это время – где был Император?

Под гнетущим туманом, задушившим звезды, по земле катился низкий и полный веселья хоровой рефрен. Его грохочущий фоновый ритм, словно сочащаяся меласса, впитывался в измученные мускулы Ванлека Дира.

Я – это плоть, я – то, что сгнило.

Я – это плоть, и я – высшая сила.

Слова одновременно раздавались во тьме за туманом и глубоко внутри костей. Ванлек Дир в лихорадочном бреду подпевал им. Из его рта вырывались не фразы, а немелодичный хрип.

Я – это грязь, и я – черный мор.

Я – это плоть, что и время забыло.

Голую кожу его стоп испещряли оспины от соли и грязи. За ним тянулась вереница гнойных и кровавых следов, хотя последние три мили или около того отпечатки оставляли уже не ступни, а руки и колени.

Ванлек полз вперед в горячке и холодном поту. Ладони были покрыты пятнами соли и ссадинами, боевая

форма порвалась, обнажив такие же разбитые и ободранные колени. Он измерял свой путь семерками. «Я – это плоть, я – то, что сгнило» – это было семь дерганных движений. «Я – это плоть, и я – высшая сила» – и еще семь неровных отпечатков рук.

На фоне хора разнесся голос Бычары:

- Ляг отдохни, малец. Ты заслуживаешь покоя.

Ванлек извернулся в направлении звука, но не увидел ничего, кроме тумана.

«Здоровый ублюдок вечно от меня прячется», – подумалось ему. Ванлек хрипло вздохнул пересохшим горлом. Вода – вот что главное. Он не сможет уйти далеко без воды.

Я – это плоть, что и время забыло.

Ванлек пополз дальше, то теряя сознание, то приходя в себя. В голове путалось от лихорадки. Туман сжимался вокруг него; в тенях кружились тени, как будто там были фигуры людей. По прошествии неопределенного времени он очнулся и обнаружил, что привалился к боку скального образования, ощупывая трясущимися голыми руками выступ под камнем. Он потянулся смахнуть с лица обжигающие частицы соли, и трогавшие скалу пальцы оказались холодными и мокрыми.

Сквозь муть в голове пробилось первобытное возбуждение.

Влага! Подтаявшая изморозь под скалой. В груди взметнулось простейшее животное желание. Дрожащий, измученный жаждой и бедствиями Ванлек Дир приник к земле и лизнул камень.

Язык пронзила боль. Ванлек подавился. Соляной песок изрезал ему рот, а морозная влага лишь помогла рассолу растечься тонким абразивным слоем, налипшим на язык и небо. Он снова начал давиться и попытался сплюнуть, но слюны не оказалось. Поврежденный солью язык покрылся трещинами.

Ванлек Дир повалился наземь в безнадежном отчаянии, стеная на полузабытом тахуанти. В Галактике не существовало такого Императора, который смог бы помочь ему. Когда горло свело от сухости, и оно перестало издавать звуки, он безмолвно раскрыл рот, обращаясь к небу:

- Мама. Мама, помоги. Я хочу домой.

Мелькающие светящиеся глаза приближались. Ванлек попытался отпугнуть их, но мышцы рук не слушались. Позади глаз, в глубине тумана, клубящиеся тени облеклись в форму людей. Нечеткие очертания приобрели цельность, и Ванлек мог различить в мареве знакомые силуэты. Старина Серж с облезшей кожей, как будто его окунули в кислоту. Жестяничик, половина лица которого пошла чумными пузырями. Бычара, покачивающийся и пощелкивающий перерезанным позвоночником. Там, где когда-то был его рот, теперь зияла черная кривящаяся дыра. Ванлек шурился, вглядываясь в глубины мрака, и ему казалось, что он видит и остальной полк, собравшийся толпой. Лиц и очертаний было не разобрать, они постоянно терялись во всепоглощающем тумане. Были там и гвардейцы в незнакомой форме, а также гражданские в нарядах, каких он прежде никогда не встречал. Даже мужчины и женщины с Интинти, часть из которых носила жреческие головные уборы.

- Все сущее должно умирать, – продекламировали тени в тумане.

Ванлек Дир откинул голову назад и закрыл глаза. Один из наиболее смелых грызунов подбежал к его ногам и грыз драную, пропитанную гноем марлю.

- Мы - это плоть, что и время забыло, - прогремел в темноте голос Машиниста.

- Мы можем сделать так, что боль уйдет, - произнес Бычара, выступая из тумана и протягивая руку жестом помощи.

Ванлек беспомощно захрипел. Где-то далеко ударила боль - одна из крыс вгрызлась в плоть в том месте, где раньше был ноготь. Он попытался отбросить ее пинком, но мускулы опять не смогли подчиниться. Вокруг него собиралось все больше грызунов, боль от их острых резцов сотней толчков расходилась по телу. В воздух взлетали хлопья его кожи. Он попытался позвать на помощь, беззвучно произнося бессмыслицу языком, рассеченным на части опаленными ущельями трещин.

Туман стал густым, как деготь. Крысы карабкались к поясу, переползая друг через друга в спешке поест. Над ним склонился болезненно-зеленоватый Бычара с протянутой рукой.

Ванлек Дир испустил к небу последний тяжкий вздох и потянулся навстречу.

Он шел по дебрям огромного, невероятного сада.

Земля хлюпала у него под ногами. Воздух был теплым и достаточно влажным, чтобы сойти за тропический, однако худосочная растительность вокруг выглядела слишком черной для тропической флоры, и сырую тишину не нарушало пение ни одной птицы. Он выбирал тропинки с удивлявшей его самого целеустремленностью. Он знал, что стопы содраны до мяса, но не чувствовал боли - при каждом шаге нога с бульканьем погружалась в почву, ощущая при этом странное спокойное онемение.

Нечеткие фигуры во мраке повторяли его движения. Их очертания менялись от Старины Сержа к Машинисту, от Бычары к мальчикам с Интинти, сгнувшим много лет назад в учебке Астра Милитарум. Одна из теней выступила из листвы. У нее было лицо старого жреца с Интинти, присутствовавшего в пиршественный день.

- Ванлек Дир, третий сын третьей жены Дома Дир-эк, чакек-ученик Имперских Гонцов. Ты помазан богами.

Жрец-тень мазнул его по лбу, оставив пятно гноя, и рассыпал у его ног пепел и бубоны. Ванлек потащился дальше. Навстречу ему из тумана поднялось знакомое лицо.

- Говорил же я тебе, - пробубльнул Бычара, когда они обнялись. - Никаких больше страданий, малец.

Ванлек закрыл глаза, слушая, как рассеченные позвонки Бычары потрескивают в такт его дыханию. Он чувствовал глубокую отрешенную грусть, но не мог вспомнить ее причину. Смутные воспоминания о желтом солнце и тонких горных пиках покинули его. На миг сквозь мрак пробился слабый голос, безмятежный и бесплотный:

- Мой голубок-актипи, знаешь, как солнце попало на свое место на небе?

Его печаль стала сильнее. Как бы далеко он ни тянулся в затуманенные глубины памяти, он не мог вспомнить ответа на этот вопрос и того, почему тот казался ему настолько важным.

Из тумана возникла третья тень. Ванлек шевельнулся, и его рот пробормотал полузабытые слова:

- Мама?

Сутулясь, она поднялась с земли. Ее плоть была мягкой, зеленоватой и податливой. Это была не его мать – однако достаточно близкое подобие реальности, чтобы вызвать мощное ощущение удовлетворенности и уюта. Ее голос напоминал смолу, слова капали в болото у них под ногами.

- Ты помазан богами, мой голубок. Больше никакой боли.

- Больше никакой боли, – эхом отозвались тени в тумане.

Она заключила его во влажные объятия. Вялые поцелуи оставляли пятна гноя у него на щеках. Когда они, наконец, отпустили друг друга, она удержала его на расстоянии вытянутой руки и с любовью взглянула ему в лицо.

- Мы забрали твою боль, но долг на этом не окончен. У тебя еще осталось дело. Понимаешь?

Он медленно кивнул.

- Думаю, да.

Она улыбнулась и одарила его последним, булькающим поцелуем.

Бегун открыл глаза.

Над тундрой пробивался рассвет. Морозный ветер хлестал его по лицу, но он не чувствовал холода. Он сел, проверяя мышцы собственным весом. Те повиновались без жалоб. Он поставил ободранные стопы на неровный соляной покров тундры. Им не было больно.

Бегун поднялся на ноги и обозрел пустоту. Марля на ступнях отвалилась вместе со слоем кожи. Отпали и другие вещи. Хлопья воспоминаний. Обрывки желтого солнца. Элемент головолмки из истории, конца которой он не мог вспомнить.

Он отстегнул фляжку с пояса и уронил ее на мерзлую землю. Потом сумку. Португепи и медали. Сунув руку в нагрудный карман, он нащупал кусок твердого металла – старинное дыхательное устройство – и, после краткого колебания, выбросил и его тоже.

Бегун сделал глубокий вдох, оглядывая раздувшиеся трупы грызунов у своих ног. Его суставы пощелкивали, а кожа облезала, но в остальном он нашел себя весьма работоспособным.

- Мы забрали твою боль, – заурчал голос глубоко у него в животе, – но у тебя еще есть дело.

Бегун моргнул. Он вдруг вспомнил, что бежит уже несколько дней, а его долг все еще не исполнен. Рывком сменив позу, он спустился с гребня и двинулся дальше вглубь огромной, колоссальной тундры.

Лучше было не задерживаться. В конце концов, он все еще должен был доставить сообщение.

Была вторая половина дня, когда в поле зрения появился громадный серый силуэт ставки полка. Бегун неспеша приближался к ней, весело напевая про себя свой рефрен, и тут в воздухе вокруг него раздался ритмичный треск. Понадобилось еще несколько выстрелов, прежде чем он узнал звуки лазганов. Шальные выстрелы искрились над головой – они не останавливали его движения. Бегун наблюдал за ними с праздным интересом, гадая, должны ли они служить предупредительными выстрелами, или же просто

свидетельствуют об ужасающе плохой меткости.

Что-то затрещало и зашипело. Он повалился назад, ощущая отстраненную тревогу, опустил голову и увидел, что лазерный заряд вырвал из его плеча дымящийся кусок. Зачем они палят в него сейчас? Ему нужно доставить сообщение, и для этого он проделал такой длинный путь.

Он с трудом приподнялся с земли и поднял здоровую руку, демонстрируя, что сдается.

Стрельба прекратилась.

Через некоторое время из тумана возникло несколько торопливых фигур, которые с отработанной быстротой сомкнулись вокруг него. Потeya и часто дыша, они вздернули его на ноги. Бегун с жалостью оглядел их. Они потащили его в ворота основного лагеря, через громадный внутренний двор из камня и пласкриты, а затем внутрь серого приземистого бункера, съездившегося у подножия горного укрытия.

Двигавшийся мимо мир состоял из стали, мяса и серы. Коридоры за коридорами. Появлялось все новое мясо, которое кричало, потело, бежало и отдавало салют со всем суматошным усердием, какого только можно было ожидать. Наконец, стальная дверь на дальней стене отъехала в сторону, бегуна бесцеремонно поместили в комнату без окон и затолкали в угол. Следом за ним в комнату набилось новое мясо, напряженно изучавшее его своими глазами из желе.

- Имя и звание! - рявкнуло мясо.

Бегун моргнул.

- Я... - начал было он, и нахмурился, кляня себя за дырявую память.

Я - это плоть, я - то, что сгнило.

Я - это плоть, и я - высшая сила.

Мясо вокруг загудело, уговаривая его, подгоняя, нанося удары, крича. Бегун принимал все это с мягким безразличием. Он не понимал, почему они утверждают, будто перехватили его в пути. У него было важное сообщение, пусть он слегка и путался в деталях. Крепость - вот что. Крепость пала, и что-то идет. Бычара, Старина Серж и Жестянщик мертвы, а...

Бегун нахмурился. Нет, это не могло быть правдой. С Бычарой, Стариной Сержем и Жестянщиком все в порядке. На самом деле, Бычара был здесь прямо сейчас. Он стоял в тенистом углу комнаты, растянув в черной как сажа улыбке свой бездонный рот, лишенный языка и зубов.

В коридоре снаружи поднялась суматоха. Среди шума разносились голоса, тяжелые шаги петляли туда-сюда, выбивая хаотичное стаккато. Исковерканные сообщения перескакивали с одного вокс-коммуникатора на другой, пока в комнате не воцарилась мертвенная тишина.

Мясо закричало и отвесило ему еще один удар. Он почувствовал столкновение плоти с плотью, костяшек кулака и челюсти.

Да. Сообщение.

Бегун открыл рот.

Я - это плоть, что и время забыло.

Его вдруг посетило озарение. Он тяжело поднялся, мысленно разбираясь в терминах. В конечном итоге он оказался не вестовым. Он был скорее... как это сказать?

Вестником.

Мясо отпрянуло от зеленого тумана, который потек из носа, рта и пор кожи вестника.

Я - это плоть, что и время забыло.

Бычара выступил из тени. И Старина Серж, и Жестянщик, и Машинист. Вестник прижал бьющееся мясо к груди, словно успокаивал плачущего ребенка. Конечности дергались с отчаянной силой, но каждый удар становился слабее предыдущего. Вестник обнял мясо по-отечески, баюкая его на руках, заглушая звуки.

- Больше никакой боли, малец, - произнес он. Туман стал гуще, а тени обрели тела. - Мы идем.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Бегун_/_Runner_\(рассказ\)&oldid=12094](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Бегун_/_Runner_(рассказ)&oldid=12094)

Эта страница в последний раз была отредактирована 25 марта 2020 в 23:29.